

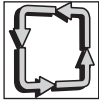
Человек или тело? К вопросу о природе носителя сознания

И. Т. КАСАВИН

На одном из заседаний семинара «Проблемы рациональной философии», состоявшемся года три назад, докладчик, рассуждая о проблеме сознания, заявил примерно следующее: «С изобретением электронного томографа проблема сознания переходит из разряда вечных философских проблем в число задач, решаемых научными методами. Короче говоря, проблема сознания в принципе уже решена».

И когда сегодня Е.Н. Князева признается: «Прежние подходы к пониманию мозга и сознания – вычислительный и информационный – оказываются принципиально недостаточными. Динамика функционирования сознания является более сложной, чем исчисление (компьютерная метафора) и переработка информации», то можно с удовлетворением констатировать существенную эволюцию в сознании эволюционных эпистемологов в отношении нашего с ними сознания.

Конечно, те из нас, которые и раньше почитывали не только классиков типа Р. Декарта, Ж.О. Ламетри и В.С. Тюхтина, но и авторов попроще, скажем, Э. Гуссерля, З. Фрейда, Ж.П. Сартра, Л. Выготского, А. Лурию, а то и хорошую художественную литературу, уже догадывались, что с сознанием не все так просто. Оно и в самом деле несводимо к функции мозга, а уж к его нейрофизиологическому субстрату и подавно. А то, что оно относительно самостоятельно по отношению к бытию вообще, некоторые философы знали еще раньше. Но Бог с ней, с историей. Лучше посмотрим, какую новацию предлагает Е.Н. Князева сегодня. Она состоит в следующем. Оказывается, сознание и познание телесно, «детерминировано телесной обложенностью человека, обусловлено мезокосмически выработанными способностями человеческого тела видеть, слышать, ощущать. То, что познается и как познается, зависит от строения тела и его конкретных функциональных особенностей». Итак, уже не просто мозги под информационном соусом, но тело целиком – вот что является носителем

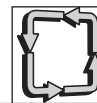
и даже сильнее – детерминантой наших когнитивных актов. Это значительный шаг вперед по сравнению с А. Тьюрингом, которому совершенно все равно, каков по своей вещественной природе носитель сознания (информации). Как мы увидим, этот шаг не последний.

Князева подчеркивает, что тело – только элемент более сложного образования «тело–окружающая среда». Казалось бы, это есть просто детализация известной формулы, согласно которой сознание – функция мозга в его взаимодействии с окружающей средой (телом, природой, другими людьми). Но здесь вступает в свои права Ф. Варела, который утверждает, что всякая жизнь вообще есть познание, а различие между человеком и другими живыми существами имеет лишь количественный характер. Отсюда вытекают два вопроса и два ответа на них.

Во-первых, что же есть познание, понятое как жизнь? Это адаптация и ориентация в среде, поясняет Елена Николаевна. Как следует из данного определения, познание (а если следовать формуле К. Маркса «Сознание существует в форме знания», то и сознание) переносится вовне тела и категорически не нуждается ни в какой «субъективной реальности», «душе», «менталитете», «внутреннем опыте». Таким образом, вопрос о том, что происходит в мозге в момент психического акта, перестает наконец интересовать эволюционного эпистемолога, избавившегося от менталистского понимания знания.

Во-вторых, что же есть человек как носитель сознания? Это существо, главная задача которого не самореализация, а экологическая проблема отношения со средой. Сам по себе человек «пуст»; он ничем не располагает, кроме тела (физиологических задатков, сложившихся эволюционно в рамках определенной экологической ниши) и среды (не любой, а лишь доступной ему в принципе в силу его структуры). Он вовсе не «экзистенциальный проект» и даже не «мыслящее Я», а конгломерат двух физических систем – тела и среды, функция их отношения. Отсюда сознание никак иначе, чем «стихийный и непостижимый» (нормальное русское обозначение для «эмерджентный») эпифеномен этого отношения, понимать не может, и при этом не существует принципиального различия между человеческим сознанием и психикой животных.

Попробуем проанализировать эту концепцию на примерах. Возьмем, скажем, высших животных, которые, как и человек, способны использовать орудия для достижения своих целей. Шимпанзе палкой сбивает висевший над ней банан, пусть и неспособен составить из двух палок одну, если не хватает длины одной из них. Этот навык не присущ приматам сам по себе, но является продуктом научения, результатом жизни в сообществе. Можно ли редуцировать общение детеныша с матерью к адаптации и ориентации в среде – это представляется сомнительным. Другой субъект – это не безличная среда, к которой можно приспособиться, не спрашивая ее, хочет ли она этого. Отсюда вытекает необходимость скорректировать изначальное определение сознания и познания.

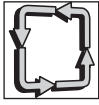

Другой пример дает нам М. Булгаков в своей повести «Собачье сердце». Операция по пересадке органов от человека к собаке превращает последнюю в человека-Шарикова, который органично встраивается в советскую среду «эпохи Москвашвея» (О. Мандельштам) со своими швондерами и прочими типичными персонажами. С точки зрения телесно-ориентированного подхода это нормально: изменили структуру телесности – изменилось сознание, собака стала человеком. Писатель, впрочем, сторонится такого вывода, показывая, что собака если и может стать человеком, то тот оказывается хуже хорошей собаки. В самом деле, можно ли считать, что структура телесности детерминирует человеческое сознание? В таком случае школьников нужно распределять по классам не столько по возрасту и по интеллектуальным склонностям, сколько по росту, весу, цвету волос и, конечно, полу. Ведь известные небольшие различия между мальчиками и девочками могут оказаться решающими с точки зрения их способностей к математике или истории. Само собой, телесно-ориентированный подход дает убедительное объяснение того, почему знаменитыми философами оказывались, как правило, мужчины, и З. Фрейд бы немедленно с этим согласился, но Е.Н. Князеву это едва ли устроит.

Кстати, телесно-ориентированный подход в эпистемологии сегодня оказывается весьма востребованным среди, скажем так, необычных течений. «Черная эпистемология», «женская эпистемология», «квир-эпистемология» (queer epistemology, т.е. теория познания людей нетрадиционной сексуальной ориентации) – все это примеры того, что дает учет телесной организации для понимания познавательного процесса.

Здесь пора вспомнить о классической и неклассической эпистемологии, отношение которых всякий раз актуализируется, когда речь идет о некой новой концепции познания. Мы будем квалифицировать их различие по двум критериям – основаниям и очевидности знания.

Так, для эпистемологической классики Нового времени знание выступает как нечто безусловное: поскольку «разум един для всех людей» (Р. Декарт), то его зависимость от эпохи, культуры, личностных особенностей считается не только несущественной, но даже заслуживающей критики. Одновременно тезис *cogito* говорит о том, что разум (сознание) есть нечто, лучше всего доступное самонаблюдению, самоочевидное, непосредственно данное рефлекслирующему человеку с высокой степенью достоверности. Напротив, неклассическая эпистемология (хоть в эволюционной, хоть в социальной ипостаси) отличается своим вниманием к условиям познания – природным и социокультурным соответственно. Само же сознание и знание рассматриваются как несамоочевидные и доступные исследованию лишь косвенным путем, через понимание условий их формирования и развития. То, что познание и сознание отныне уже не трактуются менталистски и индивидуалистически, является большим плюсом как для эволюционной, так и для социальной эпистемологии. Носитель сознания, с точки зрения фи-

лософа (например, в отличие от психолога), не отдельный человек, а, скорее, род или сообщество. В этом смысле всякая философия принципиально ограничена в понимании того, как сложился тот или иной познавательный результат (научное открытие, техническое изобретение, философская идея, обыденное представление, художественный образ), взятый в конкретных пространственно-временных координатах. Однако телесно-ориентированный подход еще сильнее суживает возможности философа. Ему оказывается в принципе недоступно понимание высших когнитивных способностей человека, которые его отличают от животных, не практикующих, по всей видимости, ни науки, ни искусства, ни религии, ни философии. Ведь истолковать эти феномены человеческой культуры из взаимодействия тела и среды настолько же сложно, как и понять поведение животных, опираясь на атомистическую концепцию Демокрита.

Да, люди как представители своего рода или народа существенным образом зависят от своей физиологии и условий жизни в природе и обществе. Но человек еще и обладает свободой, в частности свободой взять с полки книгу, прочитать ее и поверить прочитанному, как если бы он пережил это сам. Характеризуя классическую книгу, Х.Л. Борхес писал, что она отличается не столько какими-то внутренними достоинствами, сколько тем, что поколения людей, побуждаемые разными причинами, читают ее так, как если бы в ней было все написано, глубоко как космос и допускало бесчисленные истолкования. По большому счету именно в данном свободном выборе состоит культурное наследование, хотя и не исчерпывается им. Оно принципиально отличается от генетического наследования, где роль человеческого выбора не столь значительна. Мы все, живущие на Земле, – природные существа, но только некоторые из нас еще и существа культурные. Культура не просто надстраивается над природой, но в определенном смысле отрицает ее, как свобода отрицает необходимость. Культура не есть зависимость от культурных стереотипов, она представляет собой совокупность средств самопроектирования и самовыстраивания, т.е. развития человека. Эволюция вне культуры – это развитие, не имеющее отношения к человеку как носителю сознания. Не тело, а человек как социокультурное существо – вот тот, кто творит свое сознание и несет за него ответственность. Это субъект, который не ориентируется и не приспосабливается к окружению, но уже в значительной степени несет его в себе и даже выходит за его пределы. Маугли никогда не станет человеком в среде волков, а Робинзон Крузо не только останется человеком на необитаемом острове, но и духовно возвысится над собой. Поэтому на вопрос О. Мандельштама «Дано мне тело – что мне делать с ним, Таким единым и таким моим?» приходится ответить так: страдать и наслаждаться жизнью, но не надеяться объяснить из него ни логики понятийного мышления, ни изощренности художественного слова, ни тайны творческого акта.